

Проданик Надежда Владимировна

РУССКАЯ ЛИРИКА ЗОЛОТОГО ВЕКА: ДИАЛОГИ ПОЭТОВ О СКУКЕ И КНИГАХ

В статье рассматриваются семантика скуки и метафора "книга-друг" в русской лирике 1810-1820-х годов. Поэты Золотого века осознают негативное воздействие скуки и преодолевают ее; среди "лекарств" от утомительной зевоты - анакреонтическое веселье, горацианский принцип "золотой середины" и книги-друзья - лирика Горация. Метафоре "книга-друг" противостоит феномен скучных текстов - философские труды Платона, Канта, а также сочинения бездарных педантов и графоманов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 144-147. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются семантика скуки и метафора «книга-друг» в русской лирике 1810-1820-х годов. Поэты Золотого века осознают негативное воздействие скуки и преодолевают ее; среди «лекарств» от утомительной зевоты – анакреонтическое веселье, гораццианский принцип «золотой середины» и книги-друзья – лирика Горация. Метафоре «книга-друг» противопоставит феномен скучных текстов – философские труды Платона, Канта, а также сочинения бездарных педантов и графоманов.

Ключевые слова и фразы: история русской литературы; лирика Золотого века; семантика скуки; метафора «книга-друг» в русской поэзии начала XIX века; феномен скучной книги.

Проданик Надежда Владимировна, к. филол. н., доцент
Омский государственный педагогический университет
omsk.nadezhda@mail.ru

РУССКАЯ ЛИРИКА ЗОЛОТОГО ВЕКА: ДИАЛОГИ ПОЭТОВ О СКУКЕ И КНИГАХ©

Феномен скуки – одна из важных тем поэтического диалога 1810-х годов, причем диалога особенного: так, если Пушкин и Вяземский ведут переписку о «скуке, столь разнообразной», то Жуковский становится молчаливым участником разговора. В его лирике почти не встретишь скучающего лирического героя, и отсутствие этого состояния – своеобразная «минус-реплика» в диалоге поэтов. Чем вызвана скука или ее отсутствие в симпозиональной лирике и дружеских посланиях Золотого века; какие книги видятся скучными, а какие – помогают избавиться от уныния – вот те вопросы, что находились в поле нашего зрения и определяли логику исследования.

Напомним, что чувство родной природы у поэтов пушкинского круга формировалось вместе с чувством причастности европейской культуре, потому вполне закономерно поэтическое зрение смещалось к истокам европейской литературной традиции – к миру Древней Греции и Древнего Рима, а в русском пейзаже акцентировались античные (весенне-летние, идиллические) черты. Недаром с оглядкой на греческую мифологию русская поэзия первой трети XIX века получает название «*поэзия Золотого века*» и наследует от античности не только художественную топологию, но и аксиологию – в частности, непосредственную радость бытия (а не опосредованную богатством, близостью к власти или славой). Поэту Золотого века необходима лишь вольная жизнь, на исходе этого периода Вяземский посетует: «*Когда поэт еще невинен был, / Он про себя, иль на ухо подружке, / Счастливец, пел на воле, на досуге, / И на заказ стихами не служил. / Век золотой! тебя уж нет в помине...*» (П. А. Вяземский. «Три века поэтов», 1929) [5, с. 218].

В отечественной лирике воссозданы многие черты античного мироощущения: здесь герой начинает аксиологический отсчет не с себя, а согласует свой голос с «родовым началом» (арзамасским братством или братством лицейским), а потому в сознание не проникает разведающее сомнение – предвестник скуки и одиночества. Поэтическое бытие, напротив, тотально, требует «всего» героя, потому важную роль в художественном мире лирики 1810-х годов играют мотив *упоения* и эпитеты «*легкий, веселый, счастливый*»: так, у К. Батюшкова в стихотворении «*Ответ Гнедичу*» есть строки – «*Как гость, весельем пресыщенный, / Роскошный покидает пир, / Так я, любовью упоенный, / Покину равнодушно мир!*» [2, с. 53]. Жизнь для героя – пир, юноша готов до капли исчерпать свои желания и, легко перешагнув границу жизни, войти в мир вечной юности [4, с. 49]. В таком витальном пространстве невозможно пресыщение ни интеллектуальными забавами, ни чувственными утехами, а от подступившей зевоты старательно избавляются любыми средствами. Например, обращаясь с посланием «*К Батюшкову*», Вяземский шуточно просит хозяина напомнить привратнику: «*Пусть у твоих дверей / Привратник горделивый / Не будет с булавой / Веселости игривой / Отказывать... / А скуке, шестерней / Приехавшей шумливо / С гостями позевать, / Дверь настезь растворять / Рукою торопливой!*» (П. А. Вяземский. «*К Батюшкову*», 1816) [5, с. 86-87].

В унисон мнению старшего поэта звучат мысли юного Пушкина; он считает, что бегство от скуки должно быть выражено топографически: скучен город, поэту следует покинуть его и вместе с друзьями излечиться от томительного недуга на лоне деревенской свободы. К примеру, в пушкинском «*Послании к Галличу*» 1815 года есть призывные строки – «*Оставь же город скучный, / С друзьями съединись*» [11, с. 371], в другом тексте – послании N. N. (В. В. Энгельгардту, 1819 г.) сказано еще настойчивее – «*...От суеты столицы праздной, / От хладных прелестей Невы, /... От скуки, столь разнообразной, / Меня зовут холмы, луга, / Тенисты клены огорода, / Пустынной речки берега / И деревенская свобода...*» [Там же, с. 75]. Лекарством от «петербургской» скуки виделись свое имение, родная природа. Ее прелести впервые более полно открывались поэту, при этом сознательно акцентировались антично-идиллические пейзажные черты, что избавляли от городской хандры и моделировали творческую судьбу юноши в духе судьбы Анакреона, Горация или Вергилия. Так происходили освоение родного культурного топоса и включение русского поэта в большое измерение – в пространство мировой культуры.

Особенно дорогим именем среди перечисленных было имя Горация, его принцип «золотой середины мера» избавлял от треволнений всякого рода: «*Выбрав золотой середины меру, / Мудрый избежит обветшалой кровли, / Избежит дворцов, что рождают в людях / Черную зависть. /...В горестях надежд, опасений*

в счастье / Не теряет муж с закаленным сердцем...» (Гораций. Послание «К Лицинию Мурене») [6, с. 105]. Вслед за античными поэтами Вяземский и Пушкин считали, что молодости, расцвету жизненных сил несоприродна холодность взгляда: *«Теперь, пока еще умильно / Глядят красавицы на нас, / И сердце, чувствами обильно, / Знакомо с счастьем подчас, / Пока еще у нас играет / Живой румянец на щеках, / И радость с нами заседает / На шумных Вакховых пирах, – / Не будем, вопреки природы / И гласу сердца вопреки, / Свои предупреждая годы, / Мы добиваться в старики!»* (П. А. Вяземский. «К Батюшкову», 1816) [5, с. 108]. Эхом отзываются слова Вяземского в пушкинских строках: *«Философ ранний, ты бежишь / Пиров и наслаждений жизни... / Ты милые забавы света / На грусть и скуку променял... / Поверь, мой друг, она придет, / Пора унылых сожалений, / Холодной истины забот / И бесполезных размышлений...»* [11, с. 94]. Первопричинами тягостного состояния, по мнению Вяземского и Пушкина, являются преждевременная старость души, чувственное пресыщение, невозможность светского человека ощущать непосредственную радость жизни (светские удовольствия опосредованы гордостью, тщеславием, лицемерием): *«...в тех домах, / Где гордость с суетою / И подлость впопыхах, / Одна перед другою / В натянутых словах / Невольно открывают / Всю скуку, что питают / В изношенных душах...»* (П. А. Вяземский «К подруге», 1815) [5, с. 78].

Вторит Вяземскому Пушкин: он называет светские собрания бездушными, томительными, здесь *«ум хранит невольное молчанье / И холодом сердца поражены...»* (А. С. Пушкин. «Послание к кн. Горчакову», 1819) [11, с. 94]. Скучной поэтам видится не только светская жизнь, но и заседания «Беседы любителей русского слова». «Беседа» наводит зевоту даже на уклоняющегося от общего разговора Жуковского: *«Братья-друзья арзамасы! Вы протокола послушать, / Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколить?.. С тех пор, как за ум мы взялись, / Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться – / Смех заступила зевота, чула океанной — Беседы!..»* (В. А. Жуковский. «Речи в заседании – Арзамаса») [1, с. 34].

Скучны собрания «Беседы» потому, что они одномерно серьезны, там «рассудок побежден» – едко скажет Батюшков [2, с. 90], и напротив, заседания «Арзамаса» полифоничны, здесь «ум кипит», здесь «в мыслях волен я» – признается Пушкин [11, с. 96]. Для поэтов пушкинского круга основой взаимоотношений является не чопорная условность, декларируемая протоколом, а живое многоголосие дружбы, не засилье ума и рассуждений, а равновесное соотношение остроумия и безумного озорства. Так, Пушкин в послании «К Каверину» утверждает, *«Что ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под легким покрывалом»* (А. С. Пушкин. «К Каверину», 1817) [Там же, с. 32].

Поэты ревниво оберегают круг счастливых молодых: например, из числа «знакомцев» в него допущены книги Горация, Вольтера, Карамзина, Дмитриева и исключены сочинения Канта, Платона, Хвостова. Воссоздавая скромный деревенский домик поэта-ленивца (а начало века – один из немногих периодов отечественной культуры, когда Поэт имел свой Дом), Батюшков, а вслед за ним и Пушкин воссоздадут и личную библиотеку. В ней есть книги-друзья, которые помогают преодолеть скуку: *«Один я не скучаю / И часто цельный свет / С восторгом забываю. / Друзья мне мертвецы, / Парнасские жрецы; / Над палкою простою / Под тонкою тафтою со мной они живут. Певцы красноречивы, / Прозаики шутивы / В порядке стали тут...»*; но есть и скучные, пустые книги, названные «библиотечным кладбищем» и спрятанные подальше от глаз читателя (А. С. Пушкин. «Городок», 1815) [Там же, с. 335].

Появление метафорического образа «книга-друг» – свидетельство новых отношений между текстом и читателем. В культуре Древней Руси книга выступала учителем, в XIX веке между книгой и читателем установилась душевно-родственная связь, теперь к тексту будут относиться как к доброму знакомому, способному утешить в трудные минуты и разделить веселье дней. «Книга-друг» – постоянная метафора у поэтов пушкинского круга, текст и читатель живут в одном срезе времени, являются современниками и ведут диалог, легко понимая друг друга (недаром в лирической библиотеке Батюшкова и Пушкина названы книги приятелей по литературному сообществу – сочинения Карамзина, Дмитриева, Крылова). Кроме того, собранная в соответствии с личными пристрастиями усадебная библиотека – это своеобразный мост через эпохи, здесь есть друзья минувших лет: произведения Гомера, Горация, Расина. Поскольку русская литература наследует европейскую традицию, то и судьба русского поэта выстраивается по аналогии с судьбами европейских писателей, и строение библиотеки выглядит соотносительно: на одной полке, в дружеско-диалогических отношениях состоят Крылов, Дмитриев и Лафонтен, Державин и Гораций, Руссо и Карамзин (А. С. Пушкин. «Городок», 1815) [Там же, с. 335-336].

Генетические истоки метафоры «книга-друг» находятся в римской культуре; к примеру, Цицерон в письме Марку Варрону сообщал: *«Итак, знай, что по приезде в Рим я помирился со старыми друзьями, то есть со своими книгами...»* [3, с. 30]. Слагаемыми счастья для Цицерона стали жизнь в своем имении, беседы и переписка с друзьями, библиотека в саду и нескончаемые разговоры с друзьями-книгами: *«После тебя для меня нет больше друга, нежели уединение. В нем вся беседа у меня – с литературой...»* [Там же, с. 31]. Из римской литературы эти слагаемые счастливой жизни перейдут в русскую лирику, а одним из наиболее верных спутников для юноши-поэта станет Гораций, поскольку его философию отнесут к нескучному роду, и «златой Гораций в фиал» будет противопоставлен тоске и грусти (А. С. Пушкин. «Стансы Толстому», 1819) [11, с. 94]. Книги Горация непременно встречаются в библиотеке каждого юноши-поэта, будь то Пушкин, Вяземский или Батюшков, и тому есть несколько причин. Прежде всего, в соответствии с принципом «золотой середины мера», в русских посланиях заявлено гармоническое соотношение мысли и чувства – поэт знает философскую забаву, но не сторонится чувственных наслаждений (вспомним пушкинские строки: *«Милее мне живая младость, / Рассудок с сердцем пополам...»* (А. С. Пушкин. «Я не люблю твоей Коринны...», 1821)) [Там же, с. 541]. Поэтам известен горацианский принцип «посредственности златой» [2, с. 87] и по отношению к любви: любовь юноши-поэта – не всепоглощающая страсть, а легкое увлечение, не любовь властвует

над человеком, а человек правит ею, он умеет утешаться и, тем более, не скучает в отсутствие объекта воздыханий. Тот, кто в жизни утверждает горацанский принцип «золотой середины», – знает секрет счастья и может с легкостью поменять жестокосердную Хлою на благосклонную Дориду (см. антологическую зарисовку Пушкина «Блаженство», 1814).

К скучному роду относят книги Канта и Платона. Их не встретишь в библиотеке пушкинского поэта-шалуна, поскольку юноша не воодушевлен метафизической (как у Платона) или отвлеченной, туманной философской системой Канта, любовные утхи юноши-эпикурейца – чувственны. Увлечение платонизмом, увядющим от телесных восторгов любви, иронично описывается в одноименной зарисовке Пушкина («Платонизм», 1819), а в послании «К студентам» юный поэт довольно сурово обходится с Кантом, называя его «ученым дураком» и «холодным мудрецом» [11, с. 308]. Известно, что лицеисты подшучивали над кантовым определением любви; немецкий философ выстроил целую систему, поделив любовь на «патологическую» (от греческого слова «*pathos*» – чувство, страсть) и «непатологическую» (ее испытывают к Богу или к ближнему «как максимуму благоволения... имеющую своим следствием благодеяние») [10, с. 389]. В лице с книгами Канта прочно связали ощущение скуки. В бумагах Як. К. Грота есть текст песни – «*Вспоемте, братцы, / Канту прелюбезну, / Вспоемте скуку, / Сердцу бесполезну*» [7, с. 499], а в письме лицеиста А. Д. Илличевского – ученику Петербургской гимназии П. Фуссу «кантово определение» любви названо и вовсе «бессмысленным» [Там же, с. 93]. Безусловно, эротизм поэтов-шалунов явно противоречил любым системным построениям, тем более имеющим «вертикальную», потустороннюю ориентацию. На этих основаниях Канту было отказано в присутствии на пирах жизни: «*Друзья! Досужный час настал, / Все тихо, все в покое; / Скорее скатерть и бокал; / Сюда вино златое! / Шипи, шампанское, в стекле. / Друзья, почто же с Кантом / Сенека, Тацит на столе, / Фольянт над фолиантом? / ...Под стол холодных мудрецов – Без них мы пить умеем!..*» (А. С. Пушкин. «Пирующие студенты») [11, с. 308]. Сочинения немецкого философа не попали в список книг-друзей, что, впрочем, вовсе не противоречит представлениям самого Канта о природе философского знания и поэтического вдохновенья, он писал: «Философия подлинная родина идей, но не способности вносить оживление в них» [9, с. 81]. Только поэтам, по Канту, подвластно «оживление идеи», им, как в унисон Канту напишет Пушкин, присуща черта Бога – «*пламенное вдохновенье*» (А. С. Пушкин. «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824) [12, с. 230].

Впрочем, добавляет Вяземский, не только холодных мудрецов следует исключить из библиотеки поэта, но и шайку скучных вралей, «*...вестовщиков, / И прозы и стихов / Работников поденных...*» [5, с. 88]. Список скучных и пустых книг, бездарных и напыщенных авторов-педантов у Пушкина, Вяземского и Батюшкова пространен: среди имен встречаются драматург «Визгов» – С. Висковатов, стихотворец «Глупон» – Н. Шатров, «Свистов» – графоман Д. Хвостов. Судьба этих текстов – «книжное кладбище», пища для мышей, поскольку, читая эти сочинения, можно умереть от зевоты (А. С. Пушкин. «Тень Фонвизина», 1815).

Поэтический труд противится всякому учету и расчету, он есть «пир воображенья» (эта фраза принадлежит Пушкину, произнесена им в стихотворении «К моей чернильнице», 1821) [11, с. 543]. Как феномен русской литературы пиры поэтов-шалунов завершаются к 1820 году, но в поэтическом сознании Пушкина пир с его многоголосьем, вдохновенным жаром речей, веселым шумом мыслей становится принципом творчества (см. послание «К кн. Горчакову», где сказано: «*...мне во сто крат милее / Младых повес счастливая семья, / Где ум кипит, где в мыслях волен я, / Где спорю вслух, где чувствую живее, / И где мы все – прекрасного друзья...*» (А. С. Пушкин. «К кн. Горчакову», 1819) [Там же, с. 94]). Творчество гения противится скуке, ее присутствие мертвит и делает природу творчества неким насилием над Словом – «глотаю скуки яд», «насиленно вырываю у музы дремлющей несвязные слова» (это строки более позднего стихотворения – «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» 1829 года [12, с. 187], но «ключи» к нему, конечно, в пушкинской лирике пира). Скука – нетворческое состояние, с ней связан труд ремесленника или педанта («Оставим ...педантам сродну скуку» – скажет Пушкин [11, с. 309]). Как известно, явление скучающего на пиру знаменует конец самого пира. Симпозион – топос совершенного здоровья, скука же является следствием болезни сердца и ума; поясним сказанное: пир, усадебная жизнь – пространство гармонии, золотой середины, меры мысли и чувства, скука выжвана или душевным пресыщением, омертвлением или болезнью ума – сомнением в ценностях бытия. Однако, как мы уже говорили, особняком в этом поэтическом диалоге стоит Жуковский, в его лирическом мире вместо скуки – полновластие тоски как напряжения души, ее эмоциональной отзывчивости на утраты: «*Как вам, счастливым, то понять, / Что понял я тоской?...*» (В. А. Жуковский. «Утешение в слезах», 1817) [8, с. 102].

Итак, семантический диапазон скуки в лирике начала XIX века достаточно широк, в нем доминируют отрицательные значения: хандра считается болезнью, негативным и нетворческим состоянием. Поэтам известна городская скука, вызванная холодным Петербургом, скука светского тщеславия; источником скучающего взгляда видятся сердечная апатия, интеллектуальная мертвенность, педантизм. В начале века скука – состояние эпизодическое, с помощью известных лекарств – пир друзей или «сельски виды» – ее легко преодолевают. Еще одним средством от томительного недуга предстает книга-друг. Этой библиометафорой поэты заявляют, что сейчас книга – собеседник, а значит, мыслящая и чувствующая в унисон со своим читателем, потому среди друзей закономерно появляются имена собратьев по литературному сообществу – тексты Н. Карамзина, И. Дмитриева, а также сочинения друзей минувших лет (например, мудреца Горация). Существенно уменьшившись по сравнению с древнерусским фолиантом, книга XIX века стала другом-спутником в путешествиях и прогулках по саду: отдыхая «под дубом наклоненным», можно было погружаться в приятные мечты *вместе* с Горацием и Лафонтеном [11, с. 397]. Как очевидно, в семантике скуки доминирует «горизонтальный» план: это состояние кратковременное, не тотальное, не имеющее отношения к бунту против Бога. Недаром творческим ориентиром для русских поэтов стал еще не Байрон с его «мировой тоской»,

не Гете с вечно скучающим Фаустом, а Гораций, изживающий душевные недуги на лоне сельской природы. В годы юности русский поэт сторонится скучных текстов – сочинений графоманов и педантов «Беседы», метафизических философских трактатов Платона и Канта. Однако чем ближе русская культура оказывалась к трагическому 1825 году, тем более в моду входило скучающее лицо денди; семантика скуки приобретала позитивные черты: теперь она маркировала мыслящего человека, была «отдохновением души» [2, с. 43].

Список литературы

1. **Арзамас и арзамасские протоколы.** Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.
2. **Батюшков К. Н.** Стихотворения. М.: Художественная литература, 1977. 206 с.
3. **Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве.** М.: Книга, 1985. 255 с.
4. **Виролайнен М.** Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов) // Русские пиры (Альманах «Канун». Вып. 3). СПб.: Наука РАН, 1998. С. 40-70.
5. **Вяземский П. А.** Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958. 506 с.
6. **Гораций.** Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 479 с.
7. **Грот К. Я.** Пушкинский Лицей (1811-1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб.: Академический проект, 1998. 512 с.
8. **Жуковский В. А.** Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 1. 438 с.
9. **Кант И.** Из опубликованных посмертно материалов 1770-1780 годов // История эстетики: в 5-ти т. М.: Искусство, 1967. Т. 3. 1007 с.
10. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 468 с.
11. **Пушкин А. С.** Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1. 744 с.
12. **Пушкин А. С.** Собр. соч.: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. 688 с.

THE RUSSIAN LYRIC POETRY OF THE GOLDEN AGE: POETS' DIALOGUES ABOUT BOREDOM AND BOOKS

Prodanik Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The semantics of boredom and the metaphor «book-friend» in the Russian lyric poetry of the 1810-1820s are considered in the article. The poets of the Golden Age realize the negative influence of boredom and overcome it; anacreontic merriment, Horace's principle of «golden mean» and books-friends – Horace's lyric poetry – are among the «medicines» for tiresome yawning. The metaphor «book-friend» is opposed to the phenomenon of boring texts – the philosophical works of Plato and Kant, and also the writings of ungifted pedants and scribblers.

Key words and phrases: the Russian literature history; lyric poetry of the Golden Age; semantics of boredom; metaphor «book-friend» in the Russian poetry of the beginning of the XIX century; boring book phenomenon.

УДК 821.511.151

Филологические науки

Данная статья посвящена изучению прямой формы психологического изображения в повести марийского писателя Г. Алексеева «Осиротевшие души». В ней впервые выявляются и описываются доминирующие приемы «прямого психологизма», их функции в художественном тексте. Определяется специфика использования автором несобственно-прямой речи, раскрывается ее связь с повествовательной перспективой текста, анализируются основные виды внутреннего монолога.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; повесть; формы психологического изображения; приемы психологизма.

Рябинина Марианна Владимировна

Марийский государственный университет
mar.riabinina@yandex.ru

**ФОРМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ПОВЕСТИ Г. АЛЕКСЕЕВА «ОСИРОТЕВШИЕ ДУШИ»©**

Глубокие и серьезные духовные перемены, происшедшие в жизни общества во второй половине XX века, оказали немалое влияние на развитие марийской повести. В ней четко наметилось новое направление, которое отражало возросший интерес писателей к внутреннему миру человека, ставило нравственные проблемы и пыталось предложить свои способы их решения.